

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.76>

Товсултанова Джамиля Салавдиевна

[Мотивы страдания и смерти в прозе Абузара Айдамирова \(на материале историко-философского романа "Долгие ночи"\)](#)

Целью исследования является характеристика авторской концепции и нарративной практики чеченского писателя А. Айдамирова, в творчестве которого показана эпоха покорения горцев Северного Кавказа армией Российской империи. Научная новизна работы связана с проделанным впервые анализом мотивов смерти и умирания в романе А. Айдамирова "Долгие ночи", который является отражением авторского историко-философского видения событий прошлого. Впервые показана специфика нарратива А. Айдамирова как формы конкретно-исторического и мифопоэтического рассказа о трагедии своего народа. Полученные результаты показали эффективность разграничения понятий "нарратив" и "событие рассказывания" при анализе содержания и стиля писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/76.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 378-382. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Огрызко В. В.** Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический справочник: в 2-х ч. М.: Литературная Россия, 1998. Ч. 1. А – Н. 533 с.
8. **Хазанкович Ю. Г.** Литература и книжная культура эвенков: к истокам зарождения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С. 176-181.
9. **Хазанкович Ю. Г.** Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 22-28.
10. **Хазанкович Ю. Г.** Современная поэзия малочисленных народов Севера: опыт рецепции творчества С. Есенина // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 158-162.
11. **Хазанкович Ю. Г.** Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 108. С. 99-109.
12. **Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии** [Электронный ресурс] / сост. А. А. Кононенко. URL: <https://www.litres.ru/a-a-kononenko/enciklopediya-slavyanskoy-kultury-pismennosti-i-mifologii/> (дата обращения: 10.11.2020).

Addressing in Varvara Danilova's Collection "Heavenly Hell"

Merkel Elena Vladimirovna, Dr

Chaunina Natalya Vladimirovna, PhD

Technical Institute (Branch) of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Neryungri
merkel-e@yandex.ru; chaunin@mail.ru

The study aims to identify specific features of the address category realisation in V. Danilova's poetry using the collection "Heavenly Hell" as an example. The research is novel in that it is the first to consider the Evenki poet's lyrical works as dialogically oriented texts. The article analyses the poems that are the best representatives with regard to the stated topic; identifies indicators of addressing; outlines kinds of dialogue and their functions; determines the prevalent types of an addressee. The attained results have shown that dialogical intentions and, consequently, the factor of addressing are significant components of V. Danilova's works: they increase semantic complexity and intertextual intensity of her texts.

Key words and phrases: Evenki literature; Varvara Danilova; lyrical dialogue; factor of addressing; communicative nature of lyric.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.76>

Дата поступления рукописи: 11.11.2020

Целью исследования является характеристика авторской концепции и нарративной практики чеченского писателя А. Айдамирова, в творчестве которого показана эпоха покорения горцев Северного Кавказа армией Российской империи. Научная новизна работы связана с проделанным впервые анализом мотивов смерти и умирания в романе А. Айдамирова «Долгие ночи», который является отражением авторского историко-философского видения событий прошлого. Впервые показана специфика нарратива А. Айдамирова как формы конкретно-исторического и мифопоэтического рассказа о трагедии своего народа. Полученные результаты показали эффективность разграничения понятий «нарратив» и «событие рассказывания» при анализе содержания и стиля писателя.

Ключевые слова и фразы: А. Айдамиров; историзм; сопротивление; смерть; страдание; нарративные стратегии; стиль.

Товсулганова Джамиля Салавдиевна, к. филол. н.

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
djeta-88@mail.ru

Мотивы страдания и смерти в прозе Абузара Айдамирова (на материале историко-философского романа «Долгие ночи»)

Введение

Актуальность темы не вызывает сомнения. Абузар Айдамиров по праву считается классиком чеченской реалистической литературы, виднейшим представителем искусства слова Кавказа. Это автор, который написал выдающиеся панорамные произведения, воссоздавшие ключевые моменты истории народов Кавказа. Его творчество актуально и сегодня, поскольку прозаик сумел достоверно и эмоционально, опираясь на эпос и песни своего народа, выразить мироощущение горцев, специфику менталитета людей, борющихся за свою свободу, за право на историческую справедливость и уважение других народов. В прозе А. Айдамирова человеческое страдание является одним из ключевых мотивов, а концепт СМЕРТЬ делает его стиль философским. В *задачи* исследования входило: а) выявление культурософских основ стилистического вектора автора-повествователя в романе Абузара Айдамирова «Долгие ночи»; б) сопоставление его видения исторических событий с картиной мира в фольклоре горцев; в) характеристика вечной темы мировой литературы – темы смерти. Тема смерти – одна из целеполагающих тем данного историко-философского романа, а темы страдания

и притеснения чеченского народа были для А. Айдамирова константой творчества, принципиальным мотивом трилогии «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря».

Теоретическая база исследования определена идеями отечественных авторов (труды А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, А. В. Кузнецовой и др.) [9, с. 155-161; 10, с. 238-347], а также идеями западных ученых, создавших модели анализа концептосферы и документального нарратива (Р. Барт, А. Ж. Греймас, В. Шмид) [11, с. 238-241; 12]. Основным **методом исследования** стал культурно-исторический метод с элементами логико-семантического анализа художественного текста.

Практическая значимость работы определяется возможностями углубления *герменевтико-когнитивного анализа* художественного текста (далее – ХТ), важного для совершенствования уровня преподавания литературы и культуры в вузе, а также расширения герменевтического круга анализа отдельных текстов внутри традиционных когнитивных контекстов. Многообразие подходов к проблеме влияния публицистического текста (ПТ) на эстетику ХТ сближает смежные науки и имеет практическое значение для преподавания курсов литературы и культурологии.

Культурософские основы романа А. Айдамирова «Долгие ночи»

Мортальный сюжет в мировой литературе считается одним из старейших и наиболее активных, трактовка «феномена смерти обуславливает формирование нравственного подтекста мортального сюжета» [5, с. 7]. Согласно «Новейшему философскому словарю», смерть – это «естественное и необратимое прекращение жизнедеятельности биологической системы... философами смертность человека рассматривается не столько как природный, сколько как социальный феномен» [4, с. 926], в зеркале которого умирание и гибель людей выражают трагическую неизбежность ухода из мира этого в мир иной, в неизвестность. Концептосфера смерти в творчестве А. Айдамирова базируется на таких понятиях, как *война, бой, ранение, умирание*, а также включает в свою структуру слова-символы, передающие авторскую публицистическую концепцию страдания этносов в эпоху колониальных захватов: *дом, болезнь, голод, страдание, похороны* и т.п. Нравственно-философский смысл ключевых слов в нарративе автора романа «Долгие ночи», на наш взгляд, связан с архетипом восприятия жизни как страдания и движения к смерти, эксплицированным в народных песнях и легендах. Один из многочисленных примеров из романа:

*«Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула.
Так безысходна печаль моя тяжкая.
Если бы пламенем горя зажгет бы я реки,
Иссякли б они многоводные, –
Так оно пламенно, горе мое!»*
(Чеченская народная песня) [1, с. 106].

Ключевые лексемы *печаль, горе* по частотности преобладают в данной песне, и они важны для реализации нарративных стратегий автора, воссоздающего мир прошлого в его противоречивости и красоте. Иногда термин «наррация» получает расширенное толкование, но это также оправдано с точки зрения расширения зоны взаимодействия смежных наук. Т. Р. Аюпов недавно справедливо отметил, что «в тот момент, когда появилась наррация, появилась и реальность. Иными словами, реальность – это наррация, рассказ, любая история» [3, с. 6].

Религии мира дают разные ответы на вопрос о жизни после смерти, однако писатель-материалист А. Айдамиров в своих публицистических отступлениях и в статьях почти не касается данного аспекта темы, сосредотачиваясь на социально-политической стороне вопроса. Он пишет о роли ислама в истории горцев, спорит с фанатиками-традиционалистами, но настаивает на праве человека на выбор личного вероисповедания и отношения к смерти. Говоря о страданиях кавказских горцев как о великой трагедии, в которой были повинны в первую очередь царские чиновники и генералы, а также турецкие власти, бросившие на произвол судьбы тысячи переехавших в Турцию единоверцев из южных областей Российской империи, А. Айдамиров фактически никогда не использовал слово «геноцид», но его детальные натуралистические описания мучений простых людей, пластические картины нищенского быта и голода в аулах, естественно, наводят читателя на более радикальные мысли о вине больших государств в страданиях малых этносов. Народный писатель Осетии Н. Г. Джусойты в своём письме Айдамирову писал: *«Ты совершенно прав в своей обиде за свой народ. Может быть, в самом деле, ни один народ не окутан таким туманом клеветы, пересудов, предвзвешенных представлений, как чеченский, твой родной народ... И я понимаю, как трудно, как невыносимо трудно терпеть такую несправедливость. Но прорвать этот порочный круг не так-то легко»* [Цит. по: 6, с. 27].

В прозе А. Айдамирова через сюжет и поэтику повествования показано, *как трудно, как невыносимо трудно терпеть такую несправедливость*. Важнейшие исторические полотна А. Айдамирова проникнуты идеей гуманизма и сострадания, братской любви к простым людям, смерть которых толкуется автором преимущественно как часть общечеловеческой трагедии – следствия разделения на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. В этом писателю был близок пафос произведений Л. Толстого («Хаджи-Мурат», «Казачьи» и др.). Дружба и смертельная вражда Хаджи-Мурата с Шамилем рисуется А. Айдамировым как драматическая часть народной истории, как зеркало национальной трагедии. Трагедия, как и концепт СМЕРТЬ, интерпретируется в рассматриваемых ХТ как социально-биологическая драма каждого из героев, корреспондирующая на периферии ХТ с проблемой разделения населения планеты на враждующие классы и страты, интерпретируемая

автором как социальная коллизия, порождающая исторически конкретный и в то же время вечный конфликт интересов, конфликт сытых и голодных, называемый в марксистской теории «классовой борьбой». Аспект вневременного наличия социальной несправедливости во всем мире, который долгое время волновал Айдамирова-философа, уходит на периферию сюжета трилогии, вытесняемый деталями типического существования горцев в XIX в., красочными деталями повседневной жизни, материальный уровень которой шокирует современного читателя. Об этом уже писали ученые Ю. А. Айдаев, О. А. Джамбеков, Т. Б. Джамбекова, К. Б. Гайтукаев и многие другие [6-8]. Менее освещенным остается вопрос авторского мастерства при изображении смерти как фатума и события, связанного с броуновским движением случайностей. Велика роль в романе «Долгие ночи» сцен умирания героев и их предсмертных душевных страданий. В книге, составленной Машар Айдамировой, приведены рецензии, воспоминания, очерки Х. Гериханова, Е. Перегудовой, У. Лорсанукаева, Р. Юнусовой, Д. Сумбулатова и Х. Бурчаева [2], в которых собраны факты биографии и идеи выдающегося мыслителя и писателя. Ясно, что мировосприятие Айдамирова было многомерным и нелокальным, а философичность нарратива в рассматриваемом произведении далеко не случайна.

Специфика видения исторических событий в романе «Долгие ночи»

Рассмотрим пример раскрытия темы смерти в контексте историзма стилевого вектора романа. Умиравший бывший офицер царской армии Косолапов, обращаясь к товарищу, перебежавшему вместе с ним к горцам, произносит: *«Я чист перед людьми, перед Богом, перед своей совестью. – Косолапов мужественно переносил боль, но говорил торопливо, боясь, что смерть оборвет его. – Ты прав, Маккал, нелегко умирать вдали от родины. Там мои братья и сестра. Там – родина. И этим все сказано. Может быть, в глазах своих соотечественников я и изменник. Но я... Нет, я не был им никогда. Я любил свой народ... свою землю... свой дом... Так же полюбил я и ваши горы. А проливая кровь своих соотечественников, искал не личной выгоды... Человек рожден, чтобы жить вольным... Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее... Когда я это понял, то и решился... Васал... Василий... Вася... Знаю, что и в твоём сердце, как и в сердце каждого беглого... солдата, не гаснет тоска по родине... Я не раскаиваюсь, что позвал тебя с собой в ту ночь. Мы пошли не против нашего народа, Василий, а против тех, кто обесчестил твою мать, твою невесту, кто менял людей на собак»* [1, с. 41]. «Событие рассказывания» (М. Бахтин) включает в себя переданный автором факт войны, перекликающийся с многочисленными документами, цитируемыми автором, здесь основной фабульный слой – умирание героя, реакция друзей и т.п., а также история включает в свой состав «затекст», контекстуальную символику (*нелегко умирать вдали от родины, тоска по родине*) и авторскую подтекстовую оценку происходящего, интонационное завершение истории, выходящей за пределы фабулы в пространство сюжета, в зону культурно-исторического диалога художественного автора и панхронических героев, в зону конкретно-исторического и в то же время вневременного диалога биографического автора и «концептированных», предвидимых будущих читателей. Эмоциональный монолог-нарратив героя, понимающего финальность своего слова, близок слову и позиции автора-нарратора: слово на смертном одре всегда звучит весомо и откровенно. Цитата выпукло и реалистично показывает боль и страдание человека, находящегося на грани двух миров. Подобно гомеровским героям, офицер умирает с достоинством, без криков преодолевая физические и моральные мучения. В то же время автор, домисливая и расширяя ситуацию смерти, вкладывает в уста маленького персонажа мировой драмы свои мысли о духовной драме перебежчиков: с одной стороны, они были предателями, нарушившими присягу, убежавшими с поля боя, но, с другой стороны, они защищали правое дело, отдали жизнь за угнетенный народ. Иначе обстояло дело с чеченской знатью, которая часто переходила на сторону царя за деньги, предавая землю отцов и дедов. Действуя силой, вызывая ненависть, имперские чиновники не жалели денег на подкуп местных коллаборационистов. Но были и перебежчики-горцы идейные, убежденные в бессмысленности сопротивления. К ним автор относится иначе: он осуждает их с позиций нравственного императива, но оправдывает с позиций исторических перспектив малых народов, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма. Многие годы неудачных восстаний и битв не дали ожидаемого результата, газават, тем более абречество, при всей жертвенности и самоотречении участников сопротивления, привели к неисчислимым потерям населения, особенно мужского. Путь мятежей оказался тупиком. Полковник Курумов так пояснял ситуацию: *«Чеченцы сами виноваты в своей горе. Как можно тягаться с такой могущественной державой, коей является Россия? Это же наивно!»* [Там же, с. 39]. Это легко понять, глядя на события прошлого посторонним взглядом. Но автор не мог писать с безучастным видением драмы, он не согласен с тем, что весь народ обвиняют в бессмысленном сопротивлении, в убийствах и якобы душевном зле.

Тоска по родине и близким была главной экзистенциальной проблемой героев, подобных Косолапову, каких в романе «Долгие ночи» немало. Описывая смерть таких героев, автор создает философско-сентиментальное повествование о тяжести выбора в условиях войны. Ключевой фразой монолога Косолапова можно считать его слова: *«Человек рожден, чтобы жить вольным... Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее...»* [Там же, с. 41]. Совесть человека не дает ему права ссылаться на то, что он просто исполнял приказ и убивал крестьян по приказу свыше. Личная ответственность за творимое зло – вот черта русского офицера, которую подчеркивает автор. Таким образом, описывая смерть одного солдата, писатель не только через репрезентированные события решал проблему жизни и смерти индивидуума, проблему выбора личности, но и пытался показать героизм людей, идущих наперекор обстоятельствам и жертвующих своей жизнью ради других. Идеал самопожертвования и презрения к смерти был всегда близок

жителям Кавказа, так как их судьба отразила наиболее драматичные стороны защиты национально-этнических интересов в борьбе с превосходящими силами противника.

Кульминацией нарратива о страдании и смерти человека и унижении гордого народа можно считать диалог двух братьев, Арзу и Али, первый из которых стал лидером горцев, отвергнувших идеологию коллаборационизма, но согласился с теми, кто решил уйти в Турцию, что было одной из глав в истории «мухаджирства», переселения в страны, где жили единоверцы. Обманутые турецкими и российскими властями, горцы хотели получить в Турции землю, кров, приют, помощь братьев-мусульман. Все обещания турков оказались ложью. А. Айдамиров детально, с точностью профессионального историка, фиксирует даты, имена реальных деятелей, детали трагедии: *«17 октября 1865 года две тысячи шестьсот чеченских переселенцев двинулись к границе, решив или дойти до родных гор, или умереть здесь. В первой десятке шли Арзу, Чора и Али с белыми флагами в руках»* [Там же, с. 149]. Но на границе безоружных крестьян ждали солдаты с пушками. Трагедия назревала. *«Люди шли молча, словно несли на кладбище множество покойников сразу. Даже тощий офицер, на своем веку повидавший всякое и безжалостно расправлявшийся со многими непокорными, и тот застыл как вкопанный при виде переселенцев. Пистолет со взведенным курком в его руке опустился. Али посмотрел в сторону границы. Оттуда, держа штыки наперевес, четкими шагами к переселенцам двигалась турецкая пехота»* [Там же, с. 150]. Характерно, что в этом месте ХТ патетика стиля и экспрессия наррации нарастает, образно-метафорический строй ХТ становится заметнее, особенно активно функционируют приемы сравнения и парцелляции: *«Людской поток походил на гигантского смертельно раненого зверя, стремившегося заползти в свою пещеру, чтобы в ней и умереть. У людей запавшие глаза, высохшие лица. Лохмотья свисали с тощих плеч. Они еле брели, с трудом передвигая ноги, равнодушные к крикам турецких офицеров, к солдатам, к наведенным на них пушкам и вообще ко всему, что творилось вокруг. Они не в силах были остановиться, они просто шли... Сейчас, глядя на них, не верилось, что несколько месяцев назад это были самые сильные, самые крепкие, самые выносливые и бесстрашные воины. Полуживые дети сидели на руках и спинах женщин»* [Там же, с. 151]. В другом месте нарратива, говоря об обманутых беженцах, автор использовал натуралистические детали, чтобы подчеркнуть глубину пропасти унижения, в которой оказались люди: *«В беженцах уже не было ничего человеческого. Из людей они почти превратились в трупы, исторгавшие жуткое зловоние...»* [Там же, с. 106]. Боль и гуманизм автора проявляются в диалоге братьев, когда Арзу спрашивает о бое, точнее о расстреле безоружных чеченцев. Публицистический нарратив убедительно раскрывает благородство Арзу, его душевную и духовную суть, причем авторское слово соединяет в себе дидактику и патетику, сентиментально-романтический тон и горестный лиризм.

Смерть как символ исторической трагедии

Массовая бойня в 1865 г., как и весь нарратив, подтверждает мысль о том, что главным героем трилогии А. Айдамирова «оказывается собирательный многоплановый образ народа... народное мышление» [Там же, с. 87]. Мирное шествие к границе умирающих людей способствовало якобы законному (по утверждению чиновников) убийству невинных людей, что привело к психологической травме тысяч оставшихся в живых родственников, близких, да и всего чеченского народа.

Смертельно раненый Арзу прощается с близким, завещая идею борьбы за свободу брату Али. Его брат видит умирающего так: *«Нос Арзу заострился, лицо побледнело и приобрело желто-зеленый оттенок, бескровные губы растрескались, вокруг рта появилась частая мелкая сыпь»* [Там же, с. 151]. *«Али, прижимая к груди отяжелевшую голову брата, тихо шептал молитвы. В нескольких шагах от них, покрытый старой буркой, лежал уже застывший труп Чоры. Из его рваных лаптей выглядывали черные потрескавшиеся пальцы ног»* [Там же]. Любимая женщина Арзу была тут же: *«Эсет тоже сидела у изголовья умирающего, прикладывала мокрую тряпку к его горячему лбу, смачивала его пылающие губы... Арзу, родной мой, – шептала она, заглядывая в лицо с таким трудом обретенного и так страшно уходящего от нее мужа. – Не бросай меня. Не оставляй меня снова одну. Ты должен жить»* [Там же, с. 153].

Автор в формате несобственно-прямой речи передает чувства Али, который полагает, что без Арзу будет «как бескрылый орел». Сравнение, восходящее к фольклорной поэтике, подчеркивает близость главных героев к фольклорно-мифологическому модусу мышления, одной из составляющих которого была философия самоотвержения Я в пользу коллектива и этноса. Нарративная стратегия сближения эпоса и лирики позволяет автору антитетическое противопоставление жизни и смерти, любви и ненависти, богатства и бедности, смелости и трусости. Эти антитезы также важны для понимания поэтики произведения.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты темы смерти в романе А. Айдамирова, можно сделать следующие **выводы**:

1. Анализ эпического полотна А. Айдамирова приводит к выводу о преобладании в повествовании нравственного идеала свободолюбивой личности, идущей на смерть не ради личной мести, а ради родной земли, ради будущего всего этноса. В нарративе автора-патриота мотивы смерти не являются выражением исторического пессимизма.

2. Разграничение фабульного слоя и авторского сюжетостроения, делающего нарратив объемным и эмоционально-личностным, позволяет утверждать, что мифопоэтические стилевые регистры А. Айдамирова обусловлены его очевидной тягой к чеченскому фольклору, особенно песенному. Можно заключить, что фабула романа обусловлена строго документированными историческими событиями, а сюжет базируется

на авторском достоверном, но одновременно и художественно-фикциональном, «фантазийном» повествовании о быте и нравах горцев в ту эпоху. Нищета и голод людей, изображенных в ХТ, приводят их к физическому истощению, «бытовая» смерть от истощения и болезней не так заметна, как смерть в бою или в результате вооруженного конфликта.

3. Мотив смерти связан с общей культурософской идеей нарратива и политическим мировоззрением автора. Конфликт горцев Северного Кавказа и русской власти изображается и комментируется нарратором-публицистом как историческая катастрофа, приведшая к утрате значительной части населения Чечни, к убийству и тюремному заключению тысяч достойных людей. В их смерти можно видеть причину массового страдания и озлобления, что усугубило эволюцию этносов в XX в., многократно усиленную насильственным переселением народов в годы сталинского террора. Авторский посыл к нашим дням имеет философско-исторический смысл, заставляет думать об истории как круговращении вызовов и трагических смертельных случайностей, которым противостоит воля людей к мирной жизни и продолжению рода.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с необходимостью охарактеризовать все произведения известного чеченского прозаика, еще мало известного в России. Эта задача актуальна как для историков, так и для теоретиков литературы, изучающих специфику нарратологических дискурсов.

Список источников

1. Айдамиров А. А. Долгие ночи: роман / пер. с чеченского. М.: Аграф, 1996. 590 с.
2. Айдамирова М. А. Эпоха «Долгих ночей». Грозный: Грозненский рабочий, 2011. 320 с.
3. Аюпов Т. Р. Художественные реалии в ранних рассказах Виктора Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 5-9.
4. Безнюк Д. К., Грицанов А. А. Смерть // Новейший философский словарь. Изд-е 3-е. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 926-938.
5. Блинова М. П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы (русский и зарубежный опыт): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2004. 25 с.
6. Гайтукаев К. Б. Писатель и его герои. Грозный: Грозненский рабочий, 1997. 211 с.
7. Джамбеков О. А. Функциональное многообразие национального фольклора в системе документально-художественного дискурса трилогии Абузара Айдамирова («Долгие ночи», «Молния в горах», «Буря») как народной эпопеи: монография. Грозный: Грозненский рабочий, 2016. 128 с.
8. Джамбеков О. А., Джамбекова Т. Б. Мифологема свободы в фольклорной и литературной парадигме Чечни (на материале трилогии чеченского прозаика Абузара Айдамирова «Долгие ночи») // Гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 84-88.
9. Кузнецова А. В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European Social Science Journal. 2011. № 5. С. 155-161.
10. Лосев А. Ф. Материалы для построения современной теории художественного стиля // Контекст – 1975. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1977. С. 238-247.
11. Хаджиева Л. Л., Хорольский В. В. Философские грани романа Ф. Бегбедера «Windows on the World»: мотивы смерти и умирания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 238-241.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Motifs of Suffering and Death in Abuzar Aydamirov's Prose (by the Material of the Historical and Philosophical Novel "Long Nights")

Tovsultanova Dzhamilya Salavdiyevna, PhD
Chechen State Pedagogical University, Grozny
djema-88@mail.ru

The study aims to characterise the conception and narrative strategies of the Chechen writer A. Aydamirov, who depicted the period of time when the North Caucasian highlanders had been subjected by the Russian Empire army in his creative work. The paper is novel in that it is the first to analyse the motifs of death and dying in A. Aydamirov's novel "Long Nights", which is reflection of the author's historical and philosophical view on the past events. For the first time, Aydamirov's narrative specificity is shown as a form of concrete historical and mythopoetic account of the tragedy suffered by his people. The attained results have shown effectiveness of demarcating the notions "narration" and "event of narration" when analysing the author's content and style.

Key words and phrases: A. Aydamirov; historicism; resistance; death; suffering; narrative strategies; style.